

Ольга Громова

САХАРНЫЙ РЕБЁНОК

История девочки из прошлого века,
рассказанная Стеллой Нудольской

Люди. События. Факты

Москва **КомпасГид**
издательский дом
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-44
Г87

Автор обложки — Светлана Бехор

Громова, Ольга.

Г87 Сахарный ребёнок : история девочки из прошлого века, рассказанная Стеллой Нудольской : Люди. События. Факты / Ольга Громова ; [предисл. В. Зюсько ; послесл. Е. Ямбурга]. — М. : КомпасГид, 2018. — 216 с. + 32 с. ил. ISBN 978-5-00083-484-8

1930-е. Спокойную жизнь одной московской семьи разрушает приговор — «изменник Родины». Пятилетняя Эля и её мама высланы в Киргизию, и там они заново возвращаются к нормальной жизни, имея за душой лишь котомку с вещами. Причём возвращаются неоднократно, потому как раз за разом обстоятельства бросают их в неизвестное и отнюдь не более лёгкое «завтра». День за днём, год за годом. И это не выдумка, изрядно приукрашенная автором, а подлинная история девочки Стеллы Нудольской и её семьи. Читаешь и поражаешься силе человеческого духа, а после прочтения видишь мир и людей немного иначе. Многограннее и лучше.

«Сахарный ребёнок» — не мемуары в чистом виде, но и не вымысел: несмотря на рассказ от лица маленькой Эли, автор не даёт никакого «детского взгляда» на историю 1930–1940-х, не играет с читателями в надуманные «перевоплощения в ребёнка»: напротив, за рассказом девочки отчётливо просматривается взрослый человек. Возможно, именно поэтому повесть, изначально адресованная читателям 12–16 лет, в один прекрасный день перестала восприниматься как «подростковая», став частью большой русской литературы.

Новое издание «Сахарного ребёнка» — признание этого факта. Рассказ о том, как мемуары превращаются в повесть и что скрыто за текстом, — это вторая часть книги, не менее увлекательная и драматичная. Дополненное фотоматериалами, предисловием, развёрнутым комментарием, это издание вписывает историю девочки Эли в исторический и литературный контекст. А ещё — в контекст педагогический: об этом в книге рассказывает известный педагог Евгений Ямбург. Спустя пять лет после выхода первого тиража повесть выглядит самой настоящей живой классикой — и по-прежнему привлекает внимание как читателей, так и исследователей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

© Громова О. К., текст, 2014
© Громова О. К., иллюстрации, 2018
© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

ISBN 978-5-00083-484-8

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Издание повести Ольги Громовой — одно из тех событий, без которых «КомпасГид» не может представить себя сегодня. Эта книга — краеугольный камень нашей редакционной политики: с одной стороны — сложная, адресованная одновременно подростку и взрослому; с другой — бесконечно обнадёживающая и светлая, несмотря ни на что. А главное — книга, которая не забывается после прочтения уже никогда.

«Стелле и Эрику. Я выполнила своё обещание». Посвящение, которым Ольга Громова предваряет повесть «Сахарный ребёнок», ясно свидетельствует: текст этой книги — глубоко личный, прожитый и прочувствованный. Подобные слова обещают отдельную историю: как родилась повесть, кто выступил прототипом героев, почему завершить эту работу было так важно. Об этом Ольга Константиновна рассказывает во второй части настоящей книги — первого «взрослого» издания «Сахарного ребёнка».

В жизни часто бывает так, что одно решение провоцирует другие, на которые прежде ты ни за что не нашёл бы смелости. В идеале эти решения выстраиваются в неразрывную цепочку, из которой не исключить ни единого звена, — цепочку, приводящую тебя в день сегодняшней, к мысли, что всё сделано правильно.

Сама история этого произведения началась с события, упоминающегося в другой нашей книге: с землетрясения в Армении в 1988 году, отражённого Марией Мартиросовой в повести «Красные, жёлтые, синие». Между знакомством будущего автора «Сахарного ребёнка» со Стеллой Нудольской, выведенной в книге под именем Эли, и выходом повести прошла четверть века. За это время буквально все сотрудники молодого издательства «КомпасГид» успели

окончить школы, университеты и столкнуться с тем, что недочитали о многом в нужное время. «Сахарный ребёнок» заполнил один из таких досадных пробелов: о репрессиях XX века для подростков в 1990–2000-е не писал никто, и в подобной книге нуждались прежде всего мы сами.

Выверенный баланс между желанием тронуть читателя и сентиментальностью, плюс удивительно точно (насколько мы, живущие в 2010-х, можем судить!) переданный «дух времени», плюс фактурные и правдивые герои, порой напоминающие персонажей не то Айтматова, не то Шукшина, — всё это делает «Сахарного ребёнка» произведением, заслуживающим многих переизданий, изучения, перечитывания. Российская публика уже оценила его: совокупный тираж повести достигает 30 тысяч экземпляров, что ощутимо больше средней цифры для детской и подростковой книги, тем более на сложную тему.

Оценили текст и в литературном, и в театральном сообществе России, а также за рубежом. Шорт-листы премии «Ясная поляна», Крапивинской, почётный знак «Нравится детям Ленинградской области» — лишь немногие из наград, которых удостоился «Сахарный ребёнок». Книгу уже знают в Бельгии, Болгарии, Нидерландах и Франции, а также в Германии — в форме спектакля: детский театр «Кукарямба» из города Ясногорска Тульской области завоевал награду на XI Открытом Берлинском конкурсе детско-юношеских театральных коллективов «Goldenes Schlüsselchen» («Золотой ключик») в 2017 году.

Когда первый тираж «Сахарного ребёнка» вышел из печати и разлетелся за считанные недели, многие критики сравнивали книгу с романом Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени...», а спустя без малого пять лет чаще звучат сравнения с другим бестселлером — «Зулейха открывает глаза» Гузели Яхиной. И хронологически, и литературно книга Ольги Громовой лежит аккурат между этими текстами: между подчёркнуто мемуарной прозой Чудакова и произведением Яхиной, которую от описываемой эпохи отделяет солидная временная дистанция.

«Сахарный ребёнок» — не мемуары, но и не вымысел: несмотря на рассказ от лица маленькой девочки, автор не даёт никакого

«детского взгляда» на историю 1930–1940-х, не играет с читателями в надуманные «перевоплощения в ребёнка»: напротив, за рассказом якобы девочки отчётливо просматривается взрослый человек. Этот взрослый, с одной стороны, достаточно отстранён от описываемых событий, чтобы обнаруживать потаённые причинно-следственные связи в течение собственной жизни и своём психологическом становлении, а с другой — не настолько далёк от эпохи, чтобы утратить остроту её восприятия.

Жанр «романа воспитания», к которому с известными оговорками можно отнести эту книгу, — из числа бессмертных, и, сколько ни меняй фон, на котором происходит взросление, какие проблемы перед детьми или подростками ни ставь, у такого рода произведений не отнять главного — постоянного развития персонажа параллельно сюжету. Это роднит книгу если не с «Оливером Твистом» и «Дэвидом Копперфильдом», то с «Дорогой уходит в даль» Александры Бруштейн, с поправкой на принципиальную деидеологизированность текста Ольги Громовой. Писательница не оценивает эпоху в категориях «плохо» и «хорошо» и всячески избегает политики — как и для любого большого мастера, для неё человек неизменно важнее, весомее маховика истории. Тем более если этот человек — твой друг.

За тем, как малышка Эля осваивает премудрости взрослого мира на дюжину лет раньше, чем положено, наблюдать столь же увлекательно, как за краткими, но ёмкими этнографическими зарисовками о жизни в Киргизской ССР — а уже они одни обладают и художественной, и исторической ценностью. Ольга Громова даёт ровно столько «духа эпохи» и «духа места», сколько необходимо для оптимального баланса между аккуратностью «жизненных» деталей и простором для читательского воображения.

В «Сахарном ребёнке» немало сцен пугающих и жестоких, однако ни одна из них не затмевает общего вдохновляющего, светлого настроения. Хорошая биографическая книга часто отличается именно этим: от сухого изложения фактов — а часто это именно те страшные исторические события, свидетелем которых рассказчику довелось стать, — герою приходится идти к поиску смысла даже в самых неприятных вещах. Этот защитный механизм

в своё время блестяще описал основатель экзистенциальной психотерапии Виктор Франкл — в книге с исчерпывающим названием «Скажи жизни „Да“: Психолог в концлагере». И Эля, главная героиня повести, говорит жизни «Да», где-то адаптируясь к суровым новым страшным условиям, а где-то и вовсе меняя эти условия по собственной воле. Толстовский конфликт между личностью и социумом «Сахарный ребёнок» решает в пользу личности.

За прошедшие годы автору и редакции поступало множество вопросов и просьб. «Расскажите, как вы познакомились с героиней?», «Что значило быть „членом семьи изменника Родины“?», «Как создавалась книга?» — всё это звучало из уст читателей российских и зарубежных, юных и в возрасте. И мы поняли: «Сахарный ребёнок» нуждается в специальном издании — с подробными комментариями, фотографиями, картой места действия. Эта повесть оказалась в итоге всевозрастной, и мы хотим, чтобы как можно больше людей познакомились с ней.

Книга «Сахарный ребёнок» теперь существует в двух вариантах: «детском» и «взрослом». «Детская» версия — с обложкой Ксении Дерези, победившей в открытом читательском голосовании: трогательной, броской, запоминающейся. Внутри — те же иллюстрации Марии Пастернак, к которым наши читатели привыкли.

А книга для взрослых, которую вы держите в руках, выходит с обложкой Светланы Бехор, блестяще передающей суть и настроение произведения. Мы надеемся, что это издание не только подарит повести новых благодарных читателей, но и позволит глубже понять, какой была та эпоха, свидетелей которой остаётся всё меньше. И чем меньше свидетелей 1930–1940-х годов живут рядом с нами, тем чаще звучат прежде неслышные голоса. Голоса, способные поведать о том времени что-то такое, чего мы до сих пор не слышали. Голоса детей.

Виталий Зюсько

САХАРНЫЙ РЕБЁНОК

История девочки из прошлого века,
рассказанная Стеллой Нудольской

*Стелле и Эрику.
Я выполнила своё обещание*

ПРОЛОГ

Не хотелось думать ни об уроках вообще, ни конкретно о немецком языке — так хороша была за окном подмосковная ранняя осень с ярким осенним солнышком, так манила в лес. Я вполуха слушала, как учительница объявляла результаты вчерашней контрольной. «Нудóльская — три...» Ослышалась я, что ли? Класс недоумённо загудел, но под строгим взглядом нашей новой немки быстро затих. С первых парт изумлённо оглядывались на меня одноклассники: вторая тройка по немецкому за неделю. Все знали, что по-немецки я говорю почти так же свободно, как по-русски, и школьный диктант ну никак не могла написать на тройку.

А я вдруг всё поняла. И недавняя тройка по русскому за сочинение (учительница сказала, что я стала допускать стилистические ошибки и не раскрыла тему), и сегодняшняя уже не показались такими удивительными. Обидными — да, несправедливыми — конечно... Но в эту минуту мне стало ясно, что теперь, в последнем классе, эти тройки станут появляться неизбежно, как бы я ни старалась. И тогда у меня в конце года выйдут четвёрки по русскому и немецкому. И не видать мне ни золотой медали, ни даже серебряной, несмотря на все мои «пятёрочные» табели прошлых лет.

Я совсем перестала слушать урок. Я думала. Понятно, что четвёрки по русскому не избежать — тогда мне точно не дадут медаль. Можно получить медаль, даже имея две четвёрки

за последний год, но не в том случае, если одна из них по русскому. Это закон. А похоже, так и будет. Обидно и неясно, почему вторым предметом стал именно мой любимый немецкий. Не математика, не физика... Может быть, потому, что наша новая классная руководительница преподаёт немецкий и, похоже, не очень-то хорошо его знает... а значит, ей не нравятся те, кто знает лучше неё? Или просто она в нашем посёлке недавно, ещё не своя вроде бы, и потому именно ей поручено выполнить чью-то «установку»?

Моя мама тоже преподаёт немецкий. В той же школе. Но ей старшие классы не дают, только с пятого по седьмой. Мы и живём при школе — в маленькой служебной квартире. Маме, конечно, тоже будет обидно за мой немецкий, но я точно знаю, что ни она, ни я сама спорить не станем. И объяснять ничего никому не будем. А одноклассники... ну что ж, поудивляются и привыкнут. В десятом классе у всех своих забот хватает.

Потом, когда-нибудь... когда станет можно... я расскажу свою историю хотя бы самым близким друзьям. Но это будет нескоро. Если вообще будет. А пока я могу вспоминать только молча.

І. ИГРА

Сегодня за ужином мы попали в волшебную страну эльфов и гномов, где, как всем известно, в кисельных берегах текут молочные реки. В глубоких тарелках с крутым ярким ягодным киселём и налитым по краям молоком нужно «пропружать», прокладывая русла для молочных речек в кисельных берегах. Если не торопиться и действовать аккуратно, в тарелке получится карта страны с озёрами, реками, ручьями и океаном вокруг. Мы долго возимся, а потом сравниваем, у кого лучше получилось: у меня, у мамы или у папы. Папа даже умудрился построить какую-то гору из киселя и уверяет, что именно из неё течёт вот эта молочная река. Пока мы рассматриваем картины в тарелках, гора расплзается и получается мутное море. Мы с мамой смеёмся, а няня ворчит: «Ну, собрались младенцы, баловство одно».

— Ладно, Мосявка, — говорит папа, — доедаем быстро кисель и спать.

— А сказка будет?

— Будет тебе сказка. Сегодня моя очередь.

— А можно ты прямо сейчас начнёшь, чтобы знать, про что... а потом я пойду чистить зубы и умываться?

— Давным-давно...

— Когда и солнце было ярче, и вода мокрее?

— Господи, а это ты откуда взяла?

— Это Полюшка ей так сказки рассказывает, — улыбаясь, говорит мама.

Полюшка — это моя няня. И она, кстати, никогда не зовёт меня Мосявкой. Считает, что это собачья кличка, и ворчит, когда меня так зовут. Но папа её ворчания не боится.

— Не отвлекайте меня. Так вот... давным-давно жила-была в Москве семья: папа, мама, няня и совсем маленькая девочка. Папу звали... папой. Маму... Папа называл её Юленька, мамины старшие сёстры — Люськой, брат — Пунечкой.

— А брат — это дядя Лапа?

— Ну, например он, хотя в жизни-то его никто так не зовёт, только одна маленькая девочка. А вот девочку очень долго называли всякими разными словами, но никак не по имени... Потому что имени у неё не было.

— Это про меня сказка, да? А приключения будут?

— Будут-будут. Иди умывайся и ложись.

Мама обычно читает или рассказывает мне удивительные истории из жизни разных богов, героев, волшебников, да ещё на разных языках. А папа редко рассказывает «правильные» сказки, то есть народные или литературные, — чаще на ходу сочиняет. Я бегу умываться, предвкушая сказку про саму себя, потому что правдивую историю о том, как у меня не было имени и откуда оно взялось, я уже знаю.

По всем приметам родиться должен был мальчик, которого хотели назвать Генрихом. И вдруг раньше срока родилось нечто крошечное, весом без восьмушки пять фунтов¹ (так няня по старинке считала) и чуть больше сорока сантиметров в длину, и оказалось девочкой. Родители долго не могли решить, как же им назвать это неожиданное явление.

Пока не было кровати, я спала в чемодане, стоявшем на большом стуле, а крышка его была привязана к спинке

¹ В переводе на метрическую систему мер и весов Стелла при рождении весила 1,95 кг. (Здесь и далее примеч. автора.)

стула. Тогда меня называли Мосявка, Буба или как-нибудь ещё. И вот это создание должно было получить имя. Папе нравились одни имена, маме — другие, и спорили они без конца. Один из друзей семьи предложил:

— Назовите девочку Муссёр — это по-турецки «звезда».

Но мама решила мусором дочку не называть. Спорили бы ещё долго, если бы через два месяца родителям не принесли строгую повестку о штрафе и официальное напоминание о том, что в стране существуют загсы, куда им и следует явиться зарегистрировать ребенка.

Пошли втроём: папа, мама и их друг Александр. Пока родители в коридоре у окна бурно спорили, как же будет называться это чудо, они передали ребёнка другу, чтоб поддержал, покуда они что-то решат. Тот тихо зашёл в комнату (из которой полчаса назад выдворили родителей доспоривать в коридоре) и зарегистрировал ребёнка, благо и ребёнок, и документы были в руках у дяди Саши. С чувством выполненного долга он предложил родителям доспорить как-нибудь в другой раз, так как эту девочку зовут Стелла, что на латыни значит «Звезда».

Когда в доме появилась няня Поля, она придумала сокращение от имени Стелла — Эля. С тех пор близкие так и звали меня.

Лица папы я не помню. Зато помню карман его пальто. Если я запускала туда руку (почти до плеча), там всегда находилось что-нибудь вкусненькое. Помню большую тёплую руку, за которую я держалась, когда по выходным мы ходили гулять. И голос — очень низкий, бархатный. И вот папа рассказывает мне сказку. О том, как маленькая, но смелая девочка без имени спасает свою маму от злых разбойников и зарабатывает себе имя — Звёздочка.

И папа, и мама были очень музыкальны. Мама садилась вечерами за пианино, и они пели вдвоём. Было так славно. Очень я любила, когда они пели «Элегию» Массне. Конечно,

я не знала, что такое элегия и кто такой Массне, и считала, что это одно такое длинное слово — «элегиямассне», — но и слово было красивое, и мелодия.

Родители оба работали, и работали много. Но, когда они были дома, а я ещё не спала, казалось, что всё их время принадлежало мне. Ни разу я не слышала «отойди», «займись своими игрушками», «мне некогда», «поговорим потом». Сейчас мне кажется, что мы всё время играли.

Наряду с русским языком родители с самого раннего возраста говорили со мной по-немецки и по-французски. Поэтому я к трём годам одинаково понимала все три языка, а потом и говорила на них одинаково легко. И именно потому немецкие, французские и русские сказки и истории мне рассказывали на языке оригинала.

Мама очень хорошо рисовала и часто во время рассказа набрасывала выразительный рисунок.

Мне часто приносили подарки: они всегда были завернуты в бумагу и завязаны верёвочкой, которую я должна была развязать сама.

Однажды папа принёс домой громадный свёрток. Поставил его на пол и серьёзно так сказал:

— Интересно, что там внутри? Развяжи его аккуратно и посмотри.

Сначала я проверила папин карман — там было маленькое красное яблоко. Ну, а потом обошла свёрток кругом. Длинный, выше меня, он стоял на полу и слегка покачивался. Надо было развязать все узлы и посмотреть...

— Ну, человечек, смелее!

Это были очень важные слова. Если мной бывали довольны, мне говорили «хороший человечек», а высшая похвала звучала как «хороший человек».

Понятие «хороший человек» включало многое.

Хороший человек всё делает сам.

Человек умеет и может сделать всё, сначала с чьей-то помощью, а потом — сам. Например, в три с половиной года человек одевается и умывается сам. А постарше — конечно же, и играет сам, потому что знает уже довольно много и из всех известных историй всегда может сочинить разные другие.

Хороший человек ничего не боится.

Страшно только тому, кто боится. Если ты ничего не боишься, то тебе и не страшно. И ты тогда смелый человек.

Хороший человек развязывает все узлы сам.

В жизни человека встречается много разных узлов, и он должен уметь развязывать эти узлы. Самое простое — разрезать, а нужно уметь развязать.

В детской на стенке были прибиты две верёвочки, на которых я училась развязывать и завязывать узлы — разные: и петельку, и бантик, и двойные. Папа научил меня вязать морской узел, потому что всё должно быть завязано крепко, но так, чтобы можно было легко развязать.

Ну что ж, узлы нужно развязывать, и я это умею делать сама.

Трудилась долго. И вот — бумага снята, на полу стоит КОНЬ! Серый в яблоках, хвост и грива светлые, седло и уздечка красные, и стремяна — настоящие!

...Вот теперь «Лихо вдену ногу в стремя, я казак лихой!» Ура! Седло поскрипывает, и конь скачет! Ура!

Конь по имени Серый надолго стал моей любимой игрушкой. Меняя шляпу с пером на серебряный картонный шлем, я из прекрасного принца превращалась в отважного витязя. Я освобождала принцессу, зарубив трёхглавого дракона, и билась с татарами, как Евпатий Коловрат. Подозреваю, что моё дневное превращение в очередного героя определялось историей, накануне рассказанной на ночь.

Гулять я тоже очень любила. На улице было много интересного: на бульваре гуляли люди, бегали собаки, чирикали всякие птицы — здесь мы гуляли с мамой, папой или

няней. А во дворе, куда меня лет с четырёх отпускали и одну, можно было поиграть в мячик, попрыгать через скакалку, построить в песочнице замок, а иногда и немного подраться. Последнее было довольно увлекательным занятием, особенно после того как я научилась не проигрывать.

Однажды я появилась дома, ревущая во весь голос, с разбитым и распухшим носом. Из носа медленно капала кровь. Увидев очередную каплю, я взывала. Папа посадил меня к себе на колено, закинул мне голову и, положив на переносицу мокрый носовой платок, спросил:

— Больно и обидно?

Плача, я кивнула.

— А знаешь, в драке всегда проигрывает тот, кто первым заплачет. Если не плакать, обязательно победишь.

Я судорожно вздохнула и снова заплакала.

— Никак не можешь не плакать? — Кивок. — А давай попробуем потерпеть, может, получится? Наберём воздуха и будем терпеть вместе. Начали... Глубокий вдох, терпим, выдох — у-у-ух!

И боль прошла, и плакать расхотелось.

— Ну, всё хорошо, человечек? Нужно, обязательно нужно уметь терпеть. Запомнишь?

Хороший человек умеет терпеть.

Оказалось, что терпеть не так уж сложно. Вместо того чтобы заплакать — набрать воздуха и подождать. Если не заревел сразу, то смешно реветь потом. И оказалось, что это очень помогает драться. Можно «драть» даже Борьку, которому уже целых шесть лет и который обзывается «маменькина дочка».

Игрушек у меня, конечно, было много. Во-первых, несколько наборов кубиков с азбукой. Были кубики, из которых собирались картины. А были и старинные, в которые играла ещё моя мама, тематические наборы кубиков: коробка

«Африка» — с изображениями пустыни, саванны, баобабов, крокодилов, носорогов, сфинксов, негров, зебр, жирафов, египетских пирамид, Нила; коробка «Америка» — индейцы, бизоны, пиро́ги, вигвамы, негры в цепях на плантациях; коробка «Азия» — китайцы, японцы, индусы, пагоды, кобры, мангусты, слоны, обезьяны; коробка «Австралия» — кенгуру, собаки динго, муравьеды, аборигены. Картинки были яркими и очень выразительными. На стенах в доме висели две карты: политическая карта мира — в большой комнате и громадная карта двух полушарий — в детской. Вторая висела так низко, что мне было видно всё, что там нарисовано. Карту можно было снять и положить на пол.

Любимая наша игра — «Где кто живёт». Мы все ложились на пол вокруг карты мира и расставляли на ней, например по Африке, кубики с африканскими картинками. Попутно мне рассказывали разные истории об обычаях, о населении, о климате, о путешественниках, об истории этих стран.

На ходу придумывались новые игры: сделанные из бумаги кораблики приплывали к Берегу Слоновой Кости, захватывали негров, везли их через океан и продавали на невольничьем рынке в Америке, где Линкольн негров освобождал. Все игры заканчивались победой добра над злом.

В выходной, накрывая большой овальный стол к обеду, мы играли в Круглый стол короля Артура, за которым собирались король и его доблестные рыцари. Ну и, конечно, доблестный Ланселот — я — не мог за обедом капризничать, чавкать или плохо справляться с ножом и вилкой.

Много играли в стихи. Если со мной гуляла мама, то в её памяти всегда находилось какое-нибудь красивое стихотворение про то, что мы видели: птиц, собак, траву, деревья, грозу, дождь, весну, лето, осень, зиму — практически про всё. Стихи были красивые и легко запоминались. Позже мы играли — кто первый вспомнит стихи про то, что мы видим.

Иногда все вместе играли во времена года. Например, в «Осень», читая по очереди строчки из стихов про осень. Играли на равных: я помнила к тому времени много стихов, а родители никогда не читали те стихи, которые были уже известны мне.

Вообще мы читали много стихов. Любимые сказки в стихах перечитывались столько раз, что я успевала выучить их наизусть. Потом мы рассказывали эти стихи и сказки друг другу: мама мне — одну строчку, я ей — следующую.

Но самая лучшая игра начиналась, когда в Москву приезжал дядя Лапа! Мамин брат жил в то время в городе Горьком и изредка бывал в столице в командировках. Это был большой праздник.

Во-первых, дядя Лапа всегда привозил мне шоколадную бомбу. Так назывался шоколадный шар, полый внутри. Бомбы бывали разные: от маленьких, с ладошку, до больших, величиной с детский мячик. Сверху они были обёрнуты золотой или серебряной бумагой, а внутри всегда обнаруживалась какая-нибудь игрушка. Негритёнок Том — одна из моих самых любимых игрушек — появился как раз из большой шоколадной бомбы. Это была целлулоидная² куколка величиной с ладошку. У него поворачивались голова, руки и ноги.

Во-вторых, с дядиным приездом всё в доме становилось вверх ногами. Из стола и стульев строились крепости, фрегаты, караваны верблюдов и вообще всё, что было нужно. Мы открывали Америку, шли через пустыню за сокровищами, штурмовали Бастилию и на её обломках пели по-французски «Марсельезу».

Очень важной частью жизни были книги. Великое множество. На моих полках стояли тома «Жизни животных»

² Целлулоидом в 1930-е годы называли то, что сейчас мы называем пластмассой или твёрдым пластиком.

Брема с великолепными картинками, альбомы с рисунками как существующих животных, так и доисторических, и много альбомов с репродукциями картин русских и европейских художников. Рассматривать картинки было очень интересно, хотя сама прочесть подписи я ещё не умела.

Домой выписывали детские журналы и покупали много книг. Каждую новую книжку читали все вместе вслух. После ужина садились за круглый стол, а читала всегда мама. Читала артистически!

Мне всегда было очень обидно, что днём я не могу прочесть ничего сама — нужно ждать, когда освободится няня. Однажды, от великой досады, я взяла сказки Пушкина, которые уже знала наизусть, открыла сказку на странице, где была картинка «Три девицы под окном», поставила книгу на стол и начала выкладывать из кубиков буквы в том порядке, что в книге. Строчка заняла весь стол. Я не помню, что там получилось, но зато помню, какой я устроила грандиозный рёв, когда няня велела перед обедом всё убрать. Как я научилась читать, не помню, но в августе 1935 года, когда мне исполнилось четыре года, я читала уверенно, хотя и не очень бегло.

Среди множества полученных в тот день рождения подарков была большая толстая книга в синем тиснёном колленкором переплете, на котором серебром было выведено «Волшебные сказки». Большинство сказок мне было знакомо по названиям — мама рассказывала. Но теперь я могла прочесть их сама! На следующий день, когда няня надолго ушла из дому, я принялась читать сказку «Рикехохолок». Прочитала почти две страницы, когда мне встретилось странное слово «ее». Я никогда даже не слышала слова «ее» и не знала, что это значит. Если бы я прочла предложение до конца, я, вероятно, сообразила бы, что оно означает, но сработало «табу»: нельзя что-то пропускать и браться за другое дело, не доведя первое до конца. И я застряла. Сначала я думала и вспоминала, что же это такое,

потом всё-таки поплакала. Рассердившись на книгу и на это слово, я поспешила палец и стёрла его. Получилась дырка. Мрачная, я уселась под стол и стала ждать взрослых. Открытая книга с дыркой на странице лежала рядом.

Первой вернулась няня. Рассказав ей об этом книжном безобразии, я услышала в ответ: «Если рядом стоят две буквы „е“ и слово не получается, это значит, что одна из них „ё“. Попробуй». Ну и, конечно, всё получилось! Утешившись и даже забыв, что дырка на странице — это безобразие (а мама потом так и сказала: «Безобразии! Книжка же не виновата, что ты чего-то не знаешь. Люди делали, а ты испортила»), я уселась дочитывать сказку. Хотя должна признаться, что волшебные сказки из этой книги были менее интересны, чем мамины. И уж, конечно, мамина фея из «Золушки» была лучшей волшебницей, чем книжная. Мамина фея делала карету, лошадей, кучера и слуг из ничего, только взмахом палочки, а книжная — из тыквы, мышей и крысы, что, конечно, проще.

Очень я гордилась тем, что теперь могу прочитать сама всё, что хочется. Больше всего мне нравилось читать подписи под репродукциями картин в альбомах, хотя половину слов там я не понимала. И ещё я любила читать крохотные книжки-малютки со стихами и короткими историями.

Когда я стала постарше, у меня появилась ещё одна любимая игра, в которую я играла без родителей днём. Цель — переделать реальную или сказочную историю, спасти героя, чтобы конец был счастливым. На помощь призывались все известные мне исторические и сказочные персонажи, о которых раньше рассказывали мне родители. Я придумывала, как всё это сделать, а вечером, выслушав меня, папа давал советы, указывая на слабые места плана.

Например: нужно спасти Жанну д'Арк от казни.